

## Сейшельское гри-гри, или Мальгашские девочки

Елена В. Милюкова

*Независимый исследователь, Москва, Россия,  
lnmlkv30@gmail.com*

*Аннотация.* Комментарий к рассказу о вызывании духа погибшего мадагаскарского мальчика имеет целью прояснить и уточнить значение некоторых характерных граней островных традиционных культур западно-экваториальной части Индийского океана. В фокусе научного интереса (как и в основе исходного мадагаскарского сюжета) находятся аутентичные особенности актуальных демонологических практик акватории, которой принадлежат в том числе Сейшельские острова – место многолетних полевых исследований автора комментария.

Данные полевой работы, позволившей отчетливее обозначить малоисследованные черты живых традиций региона, свидетельствуют о наличии глубинных связей традиционной жизни сейшельского локуса с культурой Мадагаскара. Осмысление содержания мадагаскарского сюжета в сопоставлении со смыслами креольской культуры Сейшельских островов позволяет говорить как о типологических, так и об эндемичных свойствах обеих традиций, а также приоткрывает возможность объемного видения культурных взаимовлияний на просторах океана в целом.

*Ключевые слова:* Индийский океан, островная культура, локальная демонология, ритуальная магия, духи, целительство

*Для цитирования:* Милюкова Е.В. Сейшельское гри-гри, или Мальгашские девочки // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 2 (2). С. 168–179. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-170-179

## Gri-gri of the Seychelles, or the Malgas girls

Elena V. Milyukova

*Independent researcher, Moscow, Russia,  
lnmlkv30@gmail.com*

*Abstract.* The comment to the story of evocation of the spirit of a deceased Madagascan boy is intended to shed light to and specify value of some characteristic details inherent to traditional island cultures of the Indian Ocean West equatorial part. The research interest, as well as the initial Madagascar plot, is focused upon the authentic peculiarities of current demonological practices of this region, which includes the Seychelles, the place of the author's field research of many years.

The field research data, which allowed to trace the features of live traditions of the region more clearly, proves deep connections of the Seychelles locus traditional life with the culture of Madagascar. Perception of the Madagascar plot contents as measured against the meanings of Creole culture of the Seychelles allows to speak both of typological and of "endemic" characteristics of both traditions, as well as somewhat provides a possibility of a multidimensional view of cultural interinfluences in the ocean in general.

*Keywords:* Indian Ocean, island culture, local demonology, ritual magic, spirits, healing

*For citation:* Milyukova E.V. Gri-gri of the Seychelles, or the Malgas girls. Folklore: Structure, Typology, Semiotics. 2019; 2 (2): 168-179. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-170-179

Рассказ о вызывании духа погибшего мадагаскарского мальчика относится к категории текстов, понуждающих увидеть актуальность задачи описания побережья Индийского океана, а также его островных культур в качестве целостного пространства, типологические черты которого представляются слабо отрефлексированными (в особенности по сравнению с тем, как это сделано, например, в отношении земель Средиземноморья). Трудоемкость задачи понятным образом объясняется и огромностью акватории, и разнообразием принадлежащих ей традиций. Многосложность последних, между тем, не исключает их взаимовлияний, которые иногда достаточно конкретно просматриваются в реалиях жизни локальных культур, даже и весьма отдаленных друг от друга на просторах океана. Так, фиксируемое текстом синхронное использование элементов африканской (выбеливание Зарой рук и лица) и индийской (вдыхание ею курений, источаемых ароматическими

палочками) ритуальной магии в пределах одной магической процедуры (контакта с духом) – очевидный знак контаминации двух глобальных традиций в культуре Мадагаскара.

Сюжет описывает распространенный способ получения информации, очень значимой (по ряду перечисляемых текстом – вполне типологических – причин) для повседневной жизни малагасийцев. При этом значимость авторских наблюдений, вскрывающих характер и детали некоторых островных ритуальных практик юго-запада акватории, может быть осознана более отчетливо при взгляде на Мадагаскар с Сейшельских островов, позволяющем обеспечить сюжету адекватный пространственно-культурный контекст<sup>1</sup>.

Сегодня на островах проживает приблизительно 1 тыс. малагасийцев (или мальгашей), во внешнем облике которых индийско-индонезийские черты довольно часто доминируют над негроидными, безусловно преобладающими в сейшельском антропологическом типе<sup>2</sup>. Несмотря на то что малагасийская этнокультурная компонента в силу исторических причин сущностно

---

<sup>1</sup> Расположенные на расстоянии приблизительно 1600 км от восточного побережья Африки, чуть южнее экватора (как бы сдвинутые от него «в сторону» Мадагаскара), необитаемые Сейшельские острова появляются на европейских (португальских) картах в начале XVI в. в результате экспедиций Васко да Гамы. Формирование локальной культуры начинается здесь только после 1756 г. вследствие объявления островов территорией Франции и заселения их выходцами из различных регионов акватории: преимущественно, конечно, с Африканского материка и с Мадагаскара, а также рабами, переправленными с Бурбона (ныне о. Реюньон), из Индии и с Коморских островов. До начала колониальной эпохи не имевшие коренного населения, Сейшелы служили лишь удобной гаванью для пиратских судов в западно-экваториальной части Индийского океана.

<sup>2</sup> Пропорции и соотношение индийского и африканского контентов в жизни Сейшельских островов выглядят иначе, чем на Мадагаскаре, где, несмотря на близость Африки, носителями аутентичной культуры являются тем не менее люди в основном с *прямыми* волосами, гораздо реже встречающиеся среди сейшельских креолов, многие из которых, даже при выраженной африканской наружности, вообще предпочитают сознать себя белыми (имея к тому все антропологические основания). В этом смысле невозможно считать «индию» доминирующим ингредиентом островной культуры Сейшел, где местных индийцев именуют *мальбарами* – по названию западного (Малабарского) побережья Индостана: в течение многих десятилетий мальбары ведут на островах коммерческую деятельность и поддерживают свой, достаточно обособленный, образ жизни.

значима для *кутим сесельва*, как называют сейшельцы свою традицию<sup>3</sup>, индийско-индонезийские особенности внешности человека ощущаются здесь как знаки его иноэтничности, что особенным образом сказывается в том сегменте локальной культуры, который именуется *гри-гри*.

В креольских (и не только) культурах – то есть культурах потомков африканских рабов по преимуществу, что в полной мере относится к сейшельцам, – слово «гри-гри» означает колдовство, ритуалы черной магии, талисманы, обереги, амулеты, снадобья чародеев и разнообразные атрибуты магических процедур.

Закрепившееся на Сейшелах как маркер любых проявлений демонического и, в широком смысле, наименование локальной демонологии как таковой, слово «гри-гри»<sup>4</sup> не имеет отношения к собственно Мадагаскару, однако при этом слово *Мадагаскар*, как и вообще все «мальгашское», в сейшельском демонологическом дискурсе концентрированно нагружены демонической семантикой. Содержание рассказа про Зару, с сейшельской точки зрения, несомненно, подтверждало бы данное понимание вещей, поскольку любой сейшелец, как правило, хорошо осведомлен о том, что «добровольная одержимость духом умершего», как и иные актуальные формы гри-гри, «имеет место во многих уголках Мадагаскара», о чем сообщается в тексте.

Одержимость духом на Сейшелах считается проявлением особого вида гри-гри под названием *Пти* (или *Ти*) *Альбер*. Пти Альбер – весьма значимая часть традиции, восходящая к практикам европейской чернокнижной магии<sup>5</sup>. Пастор сейшельской англиканской церкви Ф. Чанг-Хим обращает внимание на то, что объектами этого «самого страшного», с его точки зрения, колдовства нередко становятся «юные девушки»: жертва вдруг начинает

<sup>3</sup> *Koutim seselwa* (сейш.) – традиционная сейшельская культура.

<sup>4</sup> *Gri* (сейш.) – коричневый, в локальном языковом сознании не имеет отношения к *gri-gri* (сейш.); вопрос о происхождении слова «гри-гри» остается неясным, в различных своих значениях оно распространено в демонологических традициях франкофонной Африки южнее Сахары, в креольских культурах с афроэтнической компонентой и современном лексиконе вуду.

<sup>5</sup> *Pti (Ti) Alber* (сейш.) – тип колдовства, гри-гри, название которого происходит от второй из двух книг по черной магии, изданных во Франции в самом начале XIX в. и завезенных на Сейшелы французскими колонистами: *Secrets du Grand Albert (Тайны Альбера Великого)* и *Secrets du Petit Albert (Тайны Альбера Малого)*. Подробнее о взаимоотношениях африканской и европейской магических традиций в сейшельской демонологии см. в [Милукова 2016].

говорить голосом овладевшего ею духа и в результате теряет рассудок<sup>6</sup>. Безумие как бы становится демоническим свойством самой жертвы, подвергшейся атаке Пти Альбера.

Принципиальное различие между Зарой и сейшельской девушкой в качестве проводника голоса *демонического* духа (а по замечанию одной почтенного возраста жительницы сейшельского острова Прален<sup>7</sup>, «все духи – хулиганы», что по сути не противоречит толерантному мнению родственников и окружения Зары о «личных» свойствах духов, посещающих их дом), – в гри-гри дискурсе маркировано устойчивыми словосочетаниями: *fiy malgas* (т. е. *мальзашская девушка*) и *zenn fiy* (буквально: *молодая девушка*). Причина, лежащая в основе дефиниции, фиксирующей этническую принадлежность одной из девушек, вполне объясняется точным замечанием мадагаскарского текста о *добровольной* одержимости Зары. Вместе с тем в рамках гри-гри дискурса *оба* маркера относятся к персонажам, пребывающим во власти демонических сил, то есть обозначают того, кто – добровольно или же иначе – вышел за пределы сугубо человеческой реальности. В этом смысле оппозиция *fiy malgas* – *zenn fiy* проявляет себя как одна из аутентичных форм выражения универсального для любой культуры принципа границы, отделяющей мир людей от демонического пространства. Понятно, что в конкретной традиции контуры пролегания такой границы будут иметь свои символические очертания: в частности, в то время как для Зары и ее круга этим значением, очевидно, преисполнен ритуал выбеливания рук и лица, на Сейшелах важнейший сегмент этой символической границы – *Мадагаскар* – вынесен сегодня в пространство локальной географии<sup>8</sup>.

<sup>6</sup> Ф. Чанг-Хим пишет: «The most dreaded type of magic in Seychelles is what is locally known as “P’tite Albert”, a supposed kind of black magic. “P’tite Albert”, a magical spirit, is supposed to take possession of persons as well as properties, like houses, for example. A possessed victim, sometimes young girls, will have the spirit speaking from inside her and fear might cause the person to go off his mind» [Chang-Him 1975: 28].

<sup>7</sup> *Praslin* – второй по величине и значимости из Сейшельских островов.

<sup>8</sup> Необходимость выбеливания лица при апелляции к сверхъестественным силам к настоящему моменту, по-видимому, уже совсем забыта сейшельской традицией, хотя в 60-е гг. прошлого столетия подобная практика ещё сохраняла актуальность: интересно, например, свидетельство бывшего сотрудника советского дипломатического представительства на Сейшельских островах о попытке «воздействия» таким способом на решение судьи, предпринятой со стороны родственников обвиняемого, когда в ходе слушания дела в зале заседаний суда вдруг появилась темно-кожая мадам с выбеленным лицом.

Принадлежность *fiy malgas* этому сегменту пространства не исчерпывает его содержания. В сейшельской традиции Мадагаскар имеет значение особого сакрального топоса при осуществлении одной из важнейших магических процедур, целью которой является возвращение так называемого *дандосьи* (местное название зомби) из демонического мира в мир людей<sup>9</sup>. Речь идет о живом мертвце, которого иногда, как считается, можно «вытащить», то есть вернуть к человеческой жизни. Обязательной фазой всей процедуры является кардинальная смена территориального существования дандосьи, что на практике означает выдворение его за пределы Сейшельских островов. Наиболее предпочтительным местом такой депортации, весьма продолжительной, а в отдельных случаях и окончательной, считается Мадагаскар (реже – Маврикий), который, принимая дандосью с целью его последующего возвращения в мир людей, парадоксальным образом подтверждает тем самым свой безусловный демонический статус, поскольку «дандосья – это *всегда* гри-гри», как говорят сейшельцы.

Утверждение имеет двойной смысл. С одной стороны, речь идет о *жертве* колдовства, то есть о человеке, переставшем быть *таковым* по чьей-то злой воле. Следовательно, с другой стороны, подобная жертва – это «всегда» результат гри-гри, у которого есть заказчик и *исполнитель*, нередко выступающие в одном лице. Имена наиболее злобных *сорсье*<sup>10</sup> (или *мальфетеров*<sup>11</sup>, как их часто именовали в прежние времена), прославившихся на этом поприще, традиция сохраняет в ореоле почтительного ужаса.

Следует сказать, что в ряду сейшельских магических специалистов различного профиля особое место занимает так называемый *боном дибуа* [*bonnonm dibwa* (сейш.)] – лекарь и колдун, пребывающий в эксклюзивном контакте с сакральной природной субстанцией [соответственно, *бонфам дибуа* – *bonnfanm dibwa* (сейш.), – когда речь идет о женщине]. Его значение и специфическая роль в традиции определяются тем, что, обладая, по-видимому, аналогичными с мальфетером способностями («ты не станешь боном дибуа, если не был мальфетером», «эти двое ходят вместе» и т. п. – таковы формулы его присутствия в гри-гри дискурсе), он скорее не склонен делать зло и поэтому часто бывает призван для установления защиты от гри-гри, а также, если момент не упущен, для исправления ситуации.

<sup>9</sup> *Dandosya* (сейш.) от *ndondoca* – язык народа яо (банту), Вост. Африка.

<sup>10</sup> *Sorsye* (сейш.) от франц. *sorcier* – чародей, колдун, знахарь, хитрый.

<sup>11</sup> *Malfeter* (сейш.) от франц. *malfaiter* – злодей, злоумышленник, преступник.

Сейшельскому *bonnonm dibwa* в русском языке наиболее близки по общему значению сочетания таких слов, как «лесной добряк» или «лесной дядюшка». В данном случае важен внутренний смысл словосочетания, который проступает отчетливее при соотношении его с другим – *pye dibwa* (*nye дибуа*), образованным по той же модели (сейшельское *dibwa* означает «древесина», «древесность») и указывающим на дерево вообще – любое. В названиях конкретных деревьев слово *dibwa* заменяется на «папайя», «кокос», «банан» и т. п. (руе рарауа, руе коко, руе банан<sup>12</sup>), при этом слово *pye* никогда не употребляется самостоятельно ни в отношении какого-либо определенного дерева, ни как обозначение дерева вообще. Аналогично и после слова *bonnonm*, вместо *dibwa*, выступающего своего рода маркером той субстанции, в родстве с которой пребывает колдун, должно следовать имя конкретного человека (боном такой-то), но в коммуникативной ситуации деликатного и конфиденциального характера – например, при рассказе о посещении боном дибуа – чаще употребляется слово *tonton* (*тонтон*), то есть просто «дядюшка», или, если речь идет о женщине, *tantin* (*тантин*) – «тетушка», которые, в отличие от *bonnonm* и *bonnfanm*, не требуют после себя обязательного употребления конкретного имени специалиста и, следовательно, его постоянного упоминания в разговоре, что в таких случаях считается предпочтительным<sup>13</sup>. Однако регулярное уточнение существует, и оно иного рода: к слову «тетушка» иногда добавляется определение «мальгашская» – *tantin malgas*.

Профессиональный уровень мадагаскарских магических специалистов, с точки зрения сейшельцев, в целом намного выше местных, поэтому, выбирая между *tantin* и *tantin malgas*, сейшелец скорее обратится ко второй, несмотря на традиционный страх перед всем «мальгашским» и повышенную стоимость услуг. «...Полно всякого такого, когда приходится ехать к боном дибуа на Мадагаскар», «...там они показывают тебе <все> на белых простынях...» (т. е. могут использовать простыню как экран для рассмотрения проблемных обстоятельств в жизни пациента),

<sup>12</sup> В локальной картине мира банан является, конечно, деревом, а не травой, как в научной классификации.

<sup>13</sup> Здесь следует также учитывать, что отправление любых гри-гри услуг еще с колониальных времен на Сейшелах формально преследуется законом – в соответствии со специальным постановлением властей о запрете магии и колдовства, принятым в 1958 г., хотя практика его применения фактически не была реализована (если не считать нескольких судебных дел полувековой давности, никак не сказавшихся на жизни традиции).

«...те люди, которые туда едут, им надо точно знать, кто их враг, кто причиняет им боль...», «если, <например>, твой муж тебе изменяет с другой женщиной, все такие вещи...» – типичные объяснения причин, заставляющих сейшельца, как и для разрешения проблем с дандосьей, отправиться на Мадагаскар. Логичным образом для сейшельских магов и целителей остров также является местом особого притяжения, выступая в этом случае чем-то вроде «методологического» центра или центра повышения специальной квалификации.

С целью приема пациентов, не имеющих возможности посетить Мадагаскар, его специалисты время от времени сами приезжают на Сейшельские острова. Регулярные визиты какой-либо мальгашской тетушки (часто это именно *tantin malgas*) неизменно расширяют круг ожидающих ее очередного приезда, что, в свою очередь, укрепляет целостность гри-гри дискурса. По словам одного из сейшельцев, в доме матери которого на острове Маэ<sup>14</sup> малагасийская целительница, пребывая на Сейшелах, постоянно арендовала апартаменты для проживания и практики, он был совершенно потрясен, когда однажды увидел, как в результате проведенного ею ритуала очищения от гри-гри у пациентки, жаловавшейся на продолжительное недомогание, началась рвота, массы которой содержали «какие-то тряпки, комки шерсти, волос и другой мусор...». «Никогда не поверил бы, что так бывает!» – отмечает 37-летний информант, молодой современный человек, поясняя свое отношение к данной стороне сейшельской жизни той же сакраментальной фразой, что и мадагаскарец Дени при описании им метаморфоз, претерпеваемых Зарой во время контакта с духом мальчика.

История Зары для большинства сейшельцев, таким образом, – это рассказ о том, как *мальгашская девочка* в своем стремлении обрести статус *мальгашской тетушки* упражняется в умении устанавливать контакт с духом, который в сейшельской традиции скорее всего был бы отнесен к категории *бан намм*, то есть к так называемым *наммам*<sup>15</sup>. Считается, что в результате внезапной смерти от несчастного случая, каковой и была гибель упавшего в колодец мальчика-водоноса, дух человека не может сразу покинуть этот мир. Такой дух, или намм, скитается «вблизи земли» и нередко в темное время суток беспокоит ее обитателей своим невидимым присутствием. Управляемый колдуном, по заданию

<sup>14</sup> *Mahe* – самый крупный из Сейшельских островов.

<sup>15</sup> *Nanm* (сейш.), *bann nanm* (pl.) – предп. от *âme* (фр.) или *pinam* (тамилск.): дух человека, умершего внезапной смертью, случайной или насильственной.

последнего он легко становится инструментом осуществления различных гри-гри. Иерархия намма в традиции несопоставима с демоническим статусом Пти Альбера, однако гри-гри эффект от его использования может быть крайне серьезным.

Как утверждает один из наиболее авторитетных сегодня представителей сейшельского гри-гри сервиса мсье П., имеющий обширную практику на острове Маэ, управлять наммом следует жестко. Для своих целей уважаемый сорсье, регулярно апеллирующий к Пти Альберу «в лице» индивидуального духа-водителя, который форматирует проблему и транслирует необходимые для ее решения инструкции, «берет» наммов на спидвее, где внезапная и случайная гибель часто настигает людей: «...Там их полно – приходи и бери!» При этом он уточняет, что в его работе необходим не любой намм, но только дух, именуемый *мове намм*, что буквально означает «плохой намм»<sup>16</sup>, – стоит заметить, по-видимому, приблизительно с такими характеристиками, как у духа мадагаскарского мальчика-водоноса, готовящегося вместе с Зарой к сдаче теста на профпригодность, или (что, наверное, еще лучше) как у того, с которым не смогла совладать кухня Зары Аник.

Изыщное эссе о «мальгашских девочках», осваивающих процедуру вызывания духа для обретения соответствующих профессиональных навыков в сфере магии и целительства, позволяет, таким образом, расширить контекст рассмотрения типологических свойств живых традиций, принадлежащих акватории Индийского океана как целостному культурному пространству, многосложная идентичность которого подлежит научному описанию.

### Литература

- Милюкова 2016 – Милюкова Е.В. «Белый» – «черный»: сейшельская устная традиция об одном из аспектов креольской идентичности // Свое среди чужого, чужое среди своего. М.: РГГУ, 2016. С. 161–182.
- Chang-Him 1975 – Chang-Him F. The Seychellois: in search of an identity – an analytical study. Toronto, 1975.

---

<sup>16</sup> *Move namt* (сейш.)

*References*

- Milyukova E. V. (2016) “White” – “black”: oral tradition of the Seychelles concerning an aspect of Creole identity. *One’s own amidst others’, others’ amidst one’s own*. Moscow: RSUH. (In Russ.).
- Chang-Him F. (1975) *The Seychellois: in search of an identity – an analytical study*. Toronto.

*Информация об авторе*

Елена В. Милюкова, кандидат культурологии; Россия, Москва,  
lnmlkv30@gmail.com

*Information about the author*

Elena V. Milyukova, Cand. of Sci. (Cultural Studies); Moscow, Russia,  
lnmlkv30@gmail.com